

The background of the book cover is a classical painting. It depicts a woman, likely a figure from mythology or history, reclining and holding a young child. The woman is dressed in a light-colored, possibly white or yellow, garment that is open at the chest. She has a contemplative or serene expression. The child is seated next to her, looking towards the viewer. The overall style is characteristic of 17th or 18th-century European art, with soft lighting and detailed shading. The colors are muted, with a lot of brown and red tones in the background, suggesting an interior or a draped fabric.

И. С. БАРКОВ

**ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
СОБРАНИЕ
ТРУДОВ**

**ОДЫ, ПОЭМЫ,
ЭПИСТОЛЫ,
СОНЕТЫ**

Иван Семенович Барков Лука Мудищев

<http://www.magister.msk.ru/library/poetry/>

И. С. Барков. Иллюстрированное собрание трудов в одном томе. Посвящения, оды, поэмы, эпистолы, сонеты: Адрес-

Пресс; Москва; 2002

ISBN 5-8305-0034-5

Содержание

Пролог	4
К прологу	5
Часть 1	6
Часть 2	9
Часть 3	13
Часть 4	15
Эпилог	19

Иван Барков Лука Мудищев

Пролог

О вы, замужние, о вдовы,
О девки с целкой наотлет!
Позвольте мне вам наперед
Сказать о ебле два-три слова.
Ебитесь с толком, аккуратнo,
Чем реже еться, тем приятней,
Но боже вас оборони
От беспорядочной ебни!
От необузданной той страсти
Пойдут и горе, и напасти,
И не насытит вас тогда
Обыкновенная елда.

К прологу (дополнение)

Блажен, кто смолоду ебет
И в старости спокойно серит
Кто регулярно водку пьет
И никому в кредит не верит.
Природа женщин наградила:
Богатство, славу им дала,
Меж ног им щелку прорубила
И ту пиздою назвала.
Она для женщины игрушка,
На то названье ей пизда.
И как мышиная ловушка,
Для всех открытая всегда.
Она собой нас всех прельщает,
Манит к себе толпы людей,
И бедный хуй по ней летает,
Как по сараю воробей.

Часть 1

Дом двухэтажный занимая
В родной Москве жила-была
Вдова – купчиха молодая,
Лицом румяна и бела.
Покойный муж ее мужчиной
Еще не старой был поры.
Но приключилась кончина
Ему от жениной дыры.
На передок все бабы слабы,
Скажу, соврать вам не боясь.
Но уж такой ебливой бабы
Никто не видел отродясь!
Покойный муж моей купчихи
Был парень безответный, тихий
И слушая жены наказ
Ее еб в сутки десять раз.
Порой он ноги чуть волочит,
Хуй не встает, хоть отрубил.
Она и знать того не хочет:
Хоть плачь, а все-таки еби!
Подобной каторги едва ли
Смог вынести кто. Вот год прошел
И бедный муж в тот мир ушел,

Где нет ни ебли ни печали.
Вдова, не в силах пылкость нрава
И буйной страсти обуздать,
Пошла налево и направо
И всем и каждому давать.
Ее ебли и пожилые,
И старики, и молодые,
А в общем все кому не лень
Во вдовью лазили пиздень.
Три года ебли бесшабашной,
Как сон для вдовушки прошли.
И вот томленья муки страстной
И грусть на сердце ей легли.
И женихи пред ней скучают,
Но толку нет в них ни хуя.
И вот вдова грустит и плачет,
И льется из очей струя.
И даже в еблишке обычной
Ей угодить никто не мог:
У одного хуй неприличный,
А у другого короток.
У третьего – уж очень тонок,
А у четвертого – муде
Похоже на пивной бочонок
И больно бьется по манде.
То сетует она на яйца –
Не видно, словно у скопца.

То хуй короче чем у зайца...
Капризам, словом, нет конца.
И вот по здравому сужденыю
Она к такому заключенью
Не видя толку уж ни в ком,
Пришла, раскинувши умом:
«Мелки в наш век пошли людишки –
Хуев уж нет – одни хуишки,
Но нужно мне иль так, иль сяк
Найти себе большой елдак!
Мне нужен муж с такой елдою,
Чтоб еть когда меня он стал,
Под ним вертелась я юлою,
И зуб на зуб не попадал!»
И, рассуждая так с собою,
Она решила сводню звать –
И та сумеет отыскать
Мужчину с длинною елдою!

Часть 2

В замоскворечье, на Полянке
Стоял домишко в два окна.
Принадлежал тот дом мещанке
Матрене Марковне. Она
Тогда считалася сестрицей
Преклонных лет, а все девицей.
Свершая брачные дела –
Столичной сводницей была.
Иной купчихе – бабе сдобной,
Живущей с мужем-стариком, –
Устроит Марковна удобно
Свиданье с ебарем тайком.
Иль по другой какой причине
Жену свою муж не ебет,
Она тоскует по мужчине,
И ей Матрена хуй найдет.
Иная в праздности тоскуя
Захочет для забавы хуя,
Матрена снова тут как тут,
Глядишь, красотку уж ебут!
Мужчины с ней сходили в сделку.
Иной захочет (гастроном!)
Свой хуй полакомить, и целку

К нему ведет Матрена в дом.
И вот за этой, всему свету
Известной, сводней вечерком
Вдова отправила карету
И ждет Матрену за чайком.
Вошедши, сводня поклонилась,
На образа перекрестилась
И так промолвила, садясь,
К купчихе нашей обратясь:
«Зачем прислала, говори!
Иль до меня нужда какая?
Изволь, хоть душу заложу,
А уж тебе я услужу!
Коль хочешь, женишка устрою,
Иль просто чешется манда?
И в этот раз, как и всегда
Могу помочь такому горю.
Без ебли, милая, зачахнешь,
И жизнь вся станет не мила.
Но для тебя я припасла
Такого ебаря, что ахнешь!»
«Спасибо, Марковна, на слове,
Хоть ебарь твой и наготове,
Но мне навряд ли он придется,
Хотя и хорошо ебется.
Мне нужен крепкий хуй, здоровый,
Не меньше десятивершковый,

Не дам я каждому хую
Посуду пакостить свою!»
Матрена табаку нюхнула,
О чем-то тяжело вздохнула,
И помолчав минуты две,
На это молвила вдове:
«Трудненько, милая, трудненько,
Такую отыскать елду.
Ты с десяти-то сбавь маленько,
Вершков тка на восемь – найду!
Есть у меня тут на примете
Один парнишка, ей же ей,
Не отыскать на белом свете
Такого хуя у людей.
Сама я, грешница, узрела
Намедни хуй у паренька,
Как увидала – обомлела!
Как есть – пожарная кишка!
У жеребца – и то короче,
Ему бы им не баб ебать,
А той елдой восьмивершковой
По закоулкам крыс гонять.
Сам парень – видный и здоровый,
Тебе, красавица, под стать.
И по фамильи благородный,
Лука его, Мудищев, звать.
Но вот беда, теперь Лукашка

Сидит без брюк и без сапог.
Все пропил в кабаке, бедняжка,
Как есть до самых до порток.»
Вдова восторженно внимала
Рассказу сводни о Луке
И сладость ебли предвкушала
В мечтах о длинном елдаке.
Затем уж, сваху провожая,
Она промолвила, вставая:
«Матрена, сваха дорогая,
Будь для меня как мать родная,
Луку Мудищева найди
И поскорее приведи!
Дам денег, сколько ни захочешь,
Уж ты, конечно, похлопочешь.
Одень приличнее Луку
И завтра будь с ним к вечерку».
Четыре радужных бумажки
Дала вдова ей ко всему,
И попросила без оттяжки
Уж поутру сходить к нему.

Часть 3

В ужасно грязной и холодной
Коморке, возле кабака,
Жил вечно пьяный и голодный
Вор, пшик и выжига – Лука.
Впридачу бедности отменной
Лука имел еще беду –
Величины невероятной
Восьмивершковую елду.
Ни молодая, ни старуха,
Ни блядь, ни девка-потаскуха
Узрев такую благодать,
Ему не соглашалась дать.
Хотите нет, хотите верьте,
Но про Луку пронесся слух,
Что он елдой своей до смерти
Заеб каких-то барынь двух!
И с той поры, любви не зная,
Он одинок на свете жил,
И хуй свой длинный проклиная,
Тоску-печаль в вине топил.
Позвольте сделать отступление
Назад мне, с этой же строки,
Чтоб дать вам вкратце представленье

О роде-племени Луки.
Весь род Мудищевых был древний,
И предки бедного Луки
Имели вотчины, деревни
И пребольшие елдаки.
Один Мудищев был Порфирий,
При Иоанне службу нес,
И поднимая хуем гири,
Порой смешил царя до слез.
Второй Мудищев звался Саввой
Он при Петре известен стал
За то, что в битве под Полтавой
Елдою пушки прочищал.
Царю же неугодных слуг
Он убивал елдой как мух.
При матушке Екатерине
Благодаря своей хуине
Отличен был Мудищев Лев
Как граф и генерал-аншеф.
Свои именья, капиталы
Спустил уже Лукашкин дед.
И наш Лукашка, бедный малый,
Остался нищим с малых лет.
Судьбою не был он балуем,
И про него сказал бы я –
Судьба его снабдила хуем,
Не дав впридачу ни хуя!

Часть 4

Настал уж вечер дня другого.
Купчиха гостя дорогого
В гостиной с нетерпеньем ждет,
А время медленно идет.
Пред вечерком она помылась
В пахучей розовой воде,
И чтобы худа не случилось,
Помадой смазала в пизде.
Хотя ей хуй большой не страшен,
Но тем не менее в виду
Такого хуя, как Лукашин,
Она боялась за пизду.
Но, чу! Звонок! Она вздрогнула...
И гость явился ко вдове...
Она в глаза ему взглянула,
И дрожь почудилась в манде.
Пред ней стоял, склонившись фасом,
Дородный, видный господин.
Он прохрипел пропитым басом:
«Лука Мудищев, дворянин.»
Вид он имел молодцеватый
Причесан, тщательно побрит,
И не сказал бы я, ребята,

Что пьян, а все-таки – разит...
«Весьма приятно, очень рада,
Про вас молва уже прошла.»
Вдова смутилась до упаду,
Сказав последние слова.
Так продолжая в том же смысле,
Усевшись рядышком болтать,
Вдова одной терзалась мыслью –
Скорей бы еблю начинать.
И находясь вблизи с Лукою,
Не в силах снести томленья мук,
Полезла вдовушка рукою
В карман его широких брюк.
И под ее прикосновеньем
Хуй у Луки воспрянул вмиг,
Как храбрый воин пред сраженьем –
Могуч, и грозен и велик.
Нащупавши елдак, купчиха
Мгновенно вспыхнула огнем
И прошептала нежно, тихо
К нему склонясь: «Лука, пойдём!»
И вот уж, не стыдясь Луки,
Снимает башмаки и платье
И, грудей обнажив соски,
Зовет Луку в свои объятья.
Лука тут сразу разъярился
И на купчиху устремился,

Тряся огромную елдой
Как смертоносной булавой.
И бросив на кровать с размаху,
Заворотивши ей рубаху,
Всем телом на нее налег,
И хуй задвинул между ног.
Но тут игра плохую вышла,
Как будто ей всадили дышло,
Купчиха вздумала кричать
И всех святых на помощь звать.
Она кричит – Лука не слышит.
Она еще сильнее орет.
Лука, как мех кузнечный дышит,
И все ебет, ебет, ебет!
Услышав эти крики, сваха
Спустила петлю у чулка
И шепчет, все дрожа от страха:
«Ну, знать, заеб ее Лука!»
Матрена в будуар вбегает,
Купчиха выбилась из сил –
Лука ей в жопу хуй всадил,
Но еть бедняжку продолжает!
Матрена, в страхе за вдовицу
Спешит на выручку в беде
И ну колоть вязальной спицей
Луку то в жопу, то в муде.
Лука воспрянул львом свирепым,

Матрену на пол повалил
И длинным хуем, словно цепом
Ее по голове хватил.
Но тут купчиха изловчилась,
(она еще жива была)
В муде Лукашины вцепилась
И их совсем оторвала.
Но все же он унял старуху,
Своей елдой убил как муху,
В одно мгновенье, наповал.
И сам безжизненный упал!

Эпилог

Наутро там нашли три трупа –
Матрена, распростершись ниц,
Вдова, разъедана до пупа,
Лука Мудищев без яиц
И девять пар вязальных спиц.
Был труп Матрены онемевший,
С вязальной спицей под рукой,
Хотя с пиздою уцелевшей,
Но все с проломанной башкой!